

И.С. Григорьев АВТОРИТАРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ НАБОРОТ

Влияние трудовой реформы 2000–2001 гг. на политический режим в России¹

Ключевые слова: авторитарная модернизация, трудовая реформа, российская политика

Введение

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 12-33-01440 «Политические факторы реализации модернизационных программ: случай Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2010 года») и Научного фонда НИУ ВШЭ (грант № 13-09-0117).

² Golosov 2011, 2013.

³ Gel'man 2003, 2005.

⁴ Lipman 2005; Lipman, McFaul 2005.

⁵ Levitsky, Way 2010.

⁶ Way 2005: 232.

⁷ Levitsky, Way 2006: 379.

⁸ Levitsky, Way 2010: 54–69.

⁹ Way 2005: 234–236.

Контуры современного российского политического режима в основном сложились в первой половине 2000-х годов. На сегодняшний день отдельные составляющие этого процесса задокументированы и объяснены. Так, известно, что в электоральном плане главной опорой нового политического порядка стало возложение ответственности за успехи «Единой России» на губернаторов и встраивание местных и региональных политических машин в единую интегрированную систему сбора голосов²; что целенаправленная политика Кремля в отношении оппозиции способствовала складыванию так называемого «навязанного консенсуса элит»³; что в ходе правительственной кампании по подавлению независимых СМИ (в первую очередь телевидения) был сведен на нет плюрализм мнений в публичной политической дискуссии⁴.

Предлагаемые объяснения на первый взгляд касаются независимых политических процессов. Однако эти процессы могут быть осмыслены как составляющие единого процесса формирования в России особого типа политического режима, известного как состязательный авторитаризм⁵. Устойчивость подобного рода режимов зависит прежде всего от способности инкумбента «сохранять единство элит, контролировать выборы и СМИ и применять силу в отношении своих противников»⁶. В свою очередь, эта способность определяется рядом внешне- и внутриполитических факторов, таких как «сцепление» (linkage) страны с Западом и потенциал западного влияния (leverage) на правительство⁷, организационная сила инкумбента (составляющими которой являются, в частности, отлаженность соответствующих партийных структур и мощь государственного аппарата принуждения)⁸, которая может дополняться иными формами контроля над элитами (например, через развитые патронажные сети), и, наконец, наличие у него особых авторитарных навыков и управленческих ноу-хау⁹.

При объяснении российского случая состязательного авторитаризма исследователи обычно ссылаются на низкий потенциал западного влияния на правительство, с одной стороны, и «сильные государ-

¹⁰ Levitsky, *Way* 2010: 200.

ственные и партийные институты» — с другой¹⁰. То, что стабильность авторитаризма в России не в последнюю очередь обусловлена этими факторами, не вызывает сомнений. Вместе с тем аккуратный анализ политических реалий начала 2000-х годов заставляет усомниться в том, что именно и только они привели к становлению авторитаризма в нашей стране. К моменту прихода Владимира Путина к власти в России не было ни сильных государственных институтов, ни мощной пропрезидентской партии, ни развитых вертикально выстроенных патронажных сетей, а ее зависимость от Запада была скорее высокой, так как именно западные финансовые структуры кредитовали российскую казну, не имевшую достаточных внутренних источников доходов. Все перечисленные выше факторы сформировались в первые годы правления Путина, и, чтобы понять истоки нынешнего российского политического режима, необходимо проследить, как это произошло.

Согласно моей гипотезе, складывание этих факторов отчасти явилось непредвиденным последствием усилий правительства, направленных на проведение реформ. И действительно, побочным продуктом реформ первой путинской администрации оказалось сразу несколько элементов силы инкумбента, как ее понимают Стивен Левицки и Лукан Уэй. Так, выстраивание патронажных отношений с Федерацией независимых профсоюзов России (ФНПР) стало результатом тактических решений, принятых в ходе трудовой реформы 2000—2001 гг. Более того, эти решения повлияли на общую перестройку партийной системы и, в частности, на конфигурацию партии «Единая Россия».

Относясь ко вполне конкретной ситуации, выдвинутая гипотеза, как мне кажется, открывает выход на более широкий круг проблем. Дело в том, что, в соответствии с ее логикой, реформы должны осуществляться скорее на относительно демократической стадии транзита, когда авторитаризм еще не консолидирован. Если побочным последствием реформ становится укрепление организационной силы инкумбента, это, конечно, упрощает проведение им дальнейших реформ, но консолидировавший свою власть инкумбент в реформах уже не нуждается. Соответственно, не авторитаризм способствует успешным реформам, как это предполагается теорией авторитарной модернизации, а скорее реформы обуславливают возникновение авторитаризма¹¹. Происходит авторитарная модернизация наоборот.

Ниже я попытаюсь раскрыть действие этого механизма на примере реформы трудового законодательства в 2000—2001 гг. Помимо вторичных источников, при ее анализе я буду опираться на серию глубоких интервью, собранных в рамках более широкого коллективного исследовательского проекта в 2012—2014 гг.

¹¹ Более подробное теоретическое развитие этого тезиса см. Grigoriev, Dekalchuk 2014.

**Предпосылки
и предыстория
реформы
трудового
законодательства**

Трудовая реформа стояла на повестке дня задолго до прихода Путина к власти. Доставшийся России от Советского Союза Кодекс законов о труде (КЗоТ) был принят еще в 1971 г. и безнадежно устарел. Несмотря на внесение в него в 1992 г. существенных исправлений и принятие в последующие годы дополнительных законов, относящихся к сфере регулирования рынка труда (например, Закона о профсоюзах 1996 г.), задача адаптации трудового законодательства к реалиям рыночной экономики была решена далеко не полностью. Реформа была частичной, причем ряд ее элементов встречал сопротивление общества, бизнеса и региональных властей. В результате действовавший в 1990-е годы КЗоТ, с одной стороны, оставался слишком «щедрым» для зарождавшегося рынка, а с другой, никак не работал в обширной теневой экономике.

Необходимость проведения более глубокой и целостной реформы стала очевидна после президентских выборов 1996 г., когда бюджетный дефицит заставил Кремль обратиться за финансовой помощью к международным структурам. Сформированному тогда правительству младореформаторов удалось договориться о кредите со Всемирным банком, однако тот обусловил его предоставление проведением структурных реформ, в частности реформы трудового законодательства.

Исправлять находившуюся на грани краха систему трудовых отношений пригласили экспертов-экономистов, авторитет и убеждения которых внушали доверие младореформаторам и Всемирному банку. Именно в этот момент на сцене появляется Михаил Дмитриев, один из ключевых игроков в трудовой реформе вплоть до ее реализации в 2001 г. Дмитриев был близок к Анатолию Чубайсу, занявшему в правительстве младореформаторов кресло вице-преьера и отвечавшему за все социальные реформы¹².

Дмитриев был нужен Чубайсу, чтобы подготовить и провести реформы изнутри Министерства труда и социального развития, в связи с чем он получил пост заместителя министра. С собой он привел небольшую команду экспертов, состоявшую из людей, которых он знал по предыдущей работе. В команду, в частности, вошли юрист Татьяна Коршунова, профсоюзные деятели Дмитрий Семенов и Павел Кудюкин, а также бизнесмен Сагадат Хабиров.

Впрочем, в подготовке реформы ставка делалась не только на Дмитриева. Параллельно ее разработкой занималась группа под руководством Владимира Варова. Варов работал в Министерстве труда с начала 1990-х годов и в качестве заместителя министра возглавлял Государственную инспекцию по охране труда. До прихода Дмитриева как раз он и был профильным замминистра, и именно под его началом началась подготовка второго, «внутриминистерского» проекта реформы. Предполагалось, что оба проекта будут представлены на коллегии министерства, с тем чтобы вынести на уровень правительства лучшие предложения. Так был заложен основной конфликт допутинского этапа реформы: конфликт между теми, кого один из респондентов назвал

¹² Hanson, Teague
2013: 10.

«старой бюрократией», и привлеченными извне либеральными реформаторами.

Центральным событием в разрешении этого конфликта стал правительственный кризис апреля 1998 г., когда правительство Виктора Черномырдина было отправлено в отставку. Вслед за премьером ушел и прежний министр труда Олег Сысуев, а его место заняла Оксана Дмитриева. К тому моменту в министерстве были окончательно подготовлены два проекта реформы, ожидавшие представления на коллегии министерства.

¹³ Бабаева
[Babaeva] 1998a.

Новизна ситуации заключалась в том, что, в отличие от Сысуева, Дмитриева не разделяла либерализма своего однофамильца¹³, склоняясь к более умеренным решениям, близким к тем, которые отстаивала старая бюрократия. Поэтому, когда в конце июля 1998 г. проекты были представлены на коллегии министерства, Дмитриева поддержала варовский проект. Соавтору проекта, главе министерского правового управления Сергею Панину, выступившему докладчиком, было поручено окончательно доработать его в течение месяца¹⁴. В свою очередь, проекту М.Дмитриева было решено хода не давать.

¹⁴ Бабаева
[Babaeva] 1998b.

Помимо позиции нового министра труда, выбор в пользу варовского проекта мог объясняться и тем, что после одобрения на уровне кабинета министров реформе предстояло пройти через оппозиционную президенту Государственную Думу и не вполне лояльный Совет Федерации, а нужна она была очень срочно. Дело в том, что к лету 1998 г. финансовый кризис в стране обострился настолько, что без помощи международных институтов стало фактически невозможно обслуживать внешний долг. Правительство вело переговоры о новом кредите с Международным валютным фондом, но там соглашались предоставить его лишь при условии проведения структурных реформ. Соответственно, в своем выборе Дмитриевой приходилось учитывать вкусы Федерального Собрания, готового блокировать слишком радикальные инициативы.

После августовского кризиса 1998 г. вопрос трудовой реформы временно потерял актуальность, и к нему вернулись только в марте 1999 г., когда на рассмотрение Думы наконец-то были представлены проекты нового трудового кодекса, причем сразу три. Первый из них, внесенный правительством Евгения Примакова в рамках выполнения обязательств перед иностранными кредиторами, текстуально повторял упоминавшийся выше проект Варова и Панина, который они доводили до ума летом 1998 г. по поручению Дмитриевой.

¹⁵ Герасимов
[Gerasimov] 2011.

Немалая история была и у второго проекта, внесенного депутатом от КПРФ Теймуразом Авалиани. Изначальными авторами проекта были профсоюзные деятели Константин Федотов и Михаил Полозов из Фонда рабочей академии, подготовившие предложения по реформированию КЗоТа еще в 1996 г.¹⁵, когда этот вопрос впервые был поднят правительством. В 1998 г. группа депутатов от КПРФ попыталась внести соответствующий законопроект в Думу, но безуспешно —

ввиду отсутствия у него экономического обоснования. Подвести такое обоснование взялся Авалиани, после чего «красный» трудовой кодекс (правда, с отрицательным отзывом правительства) был принят к рассмотрению.

Проект Авалиани был гораздо «левее» правительственного: он не только сохранял за работниками большинство социальных гарантий, зафиксированных в КЗоТе 1971 г., но и расширял полномочия малых отраслевых профсоюзов и трудовых коллективов в защите таковых. Более того, исходя от «рабочего» крыла КПРФ, он, пожалуй, был слишком «левым» даже для медианного думского коммуниста.

Наконец, третий проект кодекса был подготовлен депутатом от «Яблока» Анатолием Головым. «Яблоко» пыталось закрепить за собой вопрос реформирования трудового законодательства еще после думских выборов 1995 г., и принятие нового трудового кодекса было одним из его партийных приоритетов в Думе второго созыва¹⁶. Содержательно, впрочем, проект Голова был близок правительственному¹⁷.

Принять новый кодекс до выборов, однако, не удалось. Провалилась и очередная попытка внести поправки в имеющийся КЗоТ (поправки были одобрены Федеральным Собранием, но в конце 1999 г. президент наложил на них вето). Соответственно, на момент вступления России во второй электоральный цикл трудовая реформа находилась в подвешенном состоянии: решения, предложенные основными политическими игроками, не располагали к компромиссу, а позиция либеральных реформаторов, смело заявленная перед кризисом Дмитриевым, формально не была представлена вовсе. Решение вопроса было отложено на послевыборный период.

¹⁶ Грибачев [Gribachev] 1999.

¹⁷ Новикова [Novikova] 2000; Яковлева [Jakovleva] 2000.

Ход трудовой реформы 2000–2001 гг.

Реальное рассмотрение трудовой реформы на уровне парламента началось уже по завершении электорального цикла 1999–2000 гг., основательно перетряхнувшего общеполитический расклад сил. И дело не только в приходе к власти нового президента и обновлении правительства. Выборы перетасовали состав Думы, несколько сократив коммунистическое большинство и нагнав много «свежей крови». Так, возникли две потенциальные партии власти: пропутинское «Единство» и соперничавший с ним блок «Отечество — Вся Россия» (ОВР), опиравшийся на ресурсы целого ряда губернаторов-тяжеловесов. На вступление в правительственную коалицию рассчитывали также «Союз правых сил» (СПС) и депутатская группа «Народный депутат».

Глубокие изменения в политической обстановке открыли для реформаторов окно возможностей, но при этом поставили их перед новыми вызовами, разрешение которых не только определило ход реформы, но и повлияло на политический ландшафт будущего десятилетия.

Главным из этих вызовов было формирование коалиции в поддержку программы реформ. Контур, сила и интегрированность данной коалиции не были предзаданы и складывались в процессе самой

реформы. Об этом убедительно свидетельствует, в частности, та необычная коалиционная политика, которую проводили парламентские партии в первые месяцы функционирования новой Думы.

Почти сразу после выборов сложился альянс между «Единством» и КПРФ, которые разделили между собой посты председателей ключевых думских комитетов (при сохранении за Геннадием Селезневым поста спикера). Учитывая предшествующий опыт жесткого противостояния коммунистов исполнительной власти, сотрудничество этих двух сил было неожиданным. С позиций сегодняшнего дня не вполне понятным выглядит и резкое взаимное отторжение «Единства» и ОВР, которые всего через два года объединятся в новую партию власти. Как отмечают респонденты, большинству участников событий возможность такого поворота не приходила в голову до самого последнего момента.

Сдвиги в политическом ландшафте, естественно, отразились и на трудовой реформе. Так, думские выборы ввели в игру новых влиятельных игроков в лице профсоюзных деятелей, получивших депутатские мандаты. Поход профсоюзов в Думу был не в последнюю очередь связан с их разочарованием в тактике лоббирования через думские фракции, активно использовавшейся ими в 1995—1999 гг.¹⁸, и стремлением обеспечить себе дополнительные каналы влияния на парламент в преддверии обсуждения трудового законодательства. Решение этой задачи им облегчила «охота за нотаблями», развернувшаяся накануне выборов. Соперничавшие между собой «Единство» и ОВР старались включить в свои партийные списки и номинировать в качестве одномандатников как можно больше влиятельных и популярных фигур, в том числе профсоюзных деятелей, многие из которых оказались избраны.

Наряду с включением в игру новых игроков, думские выборы вывели из нее старых. В частности, это относится к авторам альтернативных проектов трудового кодекса Голову и Авалиани, чье выбывание из состава депутатского корпуса фактически лишило их проекты шансов на получение сколько-то значимой поддержки.

Наконец, вслед за президентскими выборами было сформировано новое правительство, заявившее о своем намерении приступить к реализации широкой программы реформ. Эта программа, известная как «Стратегия-2010», была подготовлена специально созданным Центром стратегических разработок (ЦСР) во главе с будущим министром экономического развития и торговли Германом Грефом, под началом которого работала команда либеральных экономистов.

Казалось бы, перестановки в правительстве должны были отразиться на его позиции по вопросу о содержании трудовой реформы. Однако, несмотря на возвращение Дмитриева, возглавившего в ЦСР подготовку трудовой реформы, этого не произошло. За базовый был принят проект кодекса, внесенный правительством Примакова, а Дмитриев лишь обеспечил преемственность заявки, сделанной новым правительством, по отношению к тем разработкам, которые осуществлялись до кризиса 1998 г.

¹⁸ Ashwin, Clarke 2003: 53—55.

Тем временем расклад сил в реформе усложнился. Пока реформаторы разрабатывали полномасштабный пакет реформ в рамках «Стратегии-2010», избранные в Думу профсоюзные деятели успели организовать в слаженную группу и выдвинули свой проект кодекса, предполагавший сохранение многих положений старого КЗоТа. Помимо гарантий для трудящихся и их обеспечения за счет работодателя, проект предусматривал и обширные полномочия профсоюзов. Появление на повестке дня дополнительной альтернативы нарушило существовавшее на начало 2000 г. хрупкое равновесие, когда Думе предстояло выбрать из трех проектов, два из которых были сходны по содержанию и умеренны, а третий продвигался коммунистами и не мог рассчитывать на значительную экстрафракционную поддержку. Чтобы депутаты смогли ознакомиться с профсоюзным проектом, слушания рабочей группы, запланированные на конец мая, были отложены, что автоматически сдвинуло первое чтение на осеннюю сессию¹⁹.

¹⁹ Хайруллин [Khajrullin] 2000.

Воспользовавшись отсрочкой, «группа восьми» (как окрестили авторов профсоюзного проекта) сосредоточила усилия на том, чтобы обеспечить своей инициативе как можно более широкую поддержку. Против «либерального» правительственного кодекса была организована ожесточенная кампания в СМИ, успеху которой в немалой степени способствовал имидж Грефа и Дмитриева как оторванных от реальности функционеров-экономистов, не слишком озабоченных судьбой простого человека, что позволяло заклеить кодекс как антинародный и антитрудовой. По иронии судьбы продвигавший правительственный проект Дмитриев сам был, как уже говорилось, не слишком большим его сторонником. Но на этом этапе правительство считало необходимым протолкнуть через Думу варовскую версию кодекса, при всех своих недостатках все-таки позволявшую либерализовать процедуру найма и увольнения, с тем чтобы потом вносить туда более тонкие поправки²⁰.

²⁰ Резник [Reznik] 2000.

Такая позиция была уступкой не столько «сложной» Думе, сколько президенту, который хотел, чтобы новый трудовой кодекс был принят как можно скорее. Время шло, и вскоре стало понятно, что умеренность правительственных предложений к принятию нового кодекса не приближает. Предварительные слушания, прошедшие в октябре, обернулись острой стычкой между представителями правительства и «группой восьми», обвинившей исполнительную власть в попытке «самого массового нарушения прав трудящихся в России»²¹. Становилось ясно, что первое чтение, запланированное на декабрь, провалится.

²¹ Сазонов [Sazonov] 2000.

Правительство оказалось в сложной ситуации. Раньше сама фракционность Думы позволяла ему успешно выстраивать поддержку даже применительно к самым спорным законопроектам, не уступая депутатам по принципиальным вопросам. В трудовой реформе это оказалось невозможным, ибо «группа восьми» была кроссфракционной: в нее входили депутаты от КПРФ, СПС и даже «Единства», а возглавлял ее Андрей Исаев из ОВР. Все они были в большей степени ориентирова-

ны на профсоюзы, чем на собственные фракции, и не очень отзывчивы к партийной дисциплине (и так довольно низко в то время).

Одной из возможных контрмер могло стать создание аналогичной кроссфракционной контркоалиции внутри Думы, с тем чтобы расколоть думские голоса. По предложению Дмитриева такая коалиция была сформирована. Ее состав зеркально отражал состав «группы восьми»: в нее вошли восемь депутатов от разных партий — СПС, «Единства», ЛДПР (что, впрочем, сразу же вызвало обвинения в попытке запутать депутатов перед первым чтением²²). Проект кодекса, внесенный самозванной «группой восьми — 2», был текстуально близок проекту, подготовленному Дмитриевым в Министерстве труда в 1997 г., что вроде бы подчеркивало умеренность правительственного законопроекта²³, но в то же время, как отмечает один из респондентов, сигнализировало, что правительство может играть жестче.

²² *Закатнова*
[Zakatnova] 2000.

²³ *Богуславская*
[Boguslavskaja]
2001.

Все эти маневры, однако, не возымели действия, и на голосовании 21 декабря правительственный проект был провален. Благодаря усилиям «группы восьми» его восприятие в общественном сознании было таким, что мало кто из депутатов осмелился открыто его поддерживать. Перспективы принятия нового кодекса казались очень мрачными, а противостояние в Думе носило столь острый характер, что обе стороны предпочли отложить обсуждение трудовой реформы на март²⁴.

²⁴ *Война* [Vojna]
2000.

Чтобы преодолеть думское сопротивление, правительству требовались дополнительные средства убеждения, и прежде всего структура, в рамках которой можно было бы вести переговоры. Обычно такой структурой выступал согласительный комитет (и «группа восьми» настаивала на его создании), но опыт конца 2000 г., когда публичные дебаты по трудовой реформе завели ее в тупик, причем с ущербом для репутации правительства, подсказывал, что подобный формат едва ли будет оптимальным.

Соответственно, правительство было заинтересовано в переносе переговоров на особую площадку, которая бы открывала возможности для заключения закулисной сделки и вместе с тем позволяла обойти думский комитет по труду: тот факт, что этот комитет заблокировал поправки к КЗоТу, предусматривавшие переименование праздников (включая День Октябрьской революции)²⁵, однозначно свидетельствовал о его далеко не проправительственной позиции. Такой площадкой могла бы стать специальная рабочая группа, но попытки сформировать ее успехом не увенчались: к середине февраля не удалось согласовать даже ее состав, хотя переговоры на этот счет велись с декабря 2000 г.²⁶ Пробуксовывание реформы стало настолько очевидным, что пришлось вмешаться президенту, который в своем обращении к Федеральному Собранию попросил парламент «ускорить доработку и принятие Трудового кодекса на базе правительственного законопроекта»²⁷.

²⁵ *Садчиков*
[Sadchikov] 2001в.

²⁶ *Садчиков*
[Sadchikov] 2001в.

²⁷ *Послание*
[Poslanie] 2001.

Выход из тупика был найден, когда правительству удалось расколоть «группу восьми», предложив зафиксировать минимальную планку членства в профсоюзе, необходимую для его допуска к диалогу

с работодателем, на уровне половины работников предприятия, что фактически обеспечивало ФНПР монополию на профсоюзную деятельность. Поддержав председателя ФНПР Михаила Шмакова на перевыборах²⁸, Путин закрепил сделку, что открыло путь для принятия согласованного проекта трудового кодекса, который преодолел первое чтение в июле и был окончательно утвержден в декабре 2001 г.

²⁸ *Кадик [Kadik] 2001.*

Последствия реформы

Одним из важнейших непредвиденных последствий реформы 2001 г. было то, что она способствовала зарождению путинского корпоративизма. Новый Трудовой кодекс содержал ряд мер, направленных на ослабление малых профсоюзов и ограничение права на забастовку. Во многих случаях единственным профсоюзом, удовлетворяющим новым требованиям по минимальному членству работников предприятия, оказывалась ФНПР, что ставило отраслевые профсоюзы в заведомо невыгодное положение. Вероятно, задумка в данном случае состояла не только в том, чтобы ослабить профсоюзы, но и в том, чтобы подтолкнуть их к объединению, что упростило бы для правительства диалог с социальными партнерами в ходе дальнейших реформ (в частности, здравоохранения и социальных льгот)²⁹. Но хотя прохождение через Думу последующих реформ действительно упростилось, консолидации профсоюзов не произошло, и ФНПР осталась оторвана от общества. Таким образом, правительство не получило в лице ФНПР того партнера, которого ожидало увидеть, и лишь выстроило фасадную конструкцию, разрушив все, находящееся за ней.

²⁹ *Травин [Travin] 2002.*

Но у трудовой реформы было и другое непредвиденное последствие, до сих пор выпадающее из поля зрения исследователей. Речь идет о правительственной стратегии проведения реформ через Думу и ее организационном оформлении. Трудовая реформа отчетливо продемонстрировала ограниченность изначально использовавшейся правительством стратегии выстраивания думских коалиций ad hoc, для каждого отдельного законопроекта, подтолкнув его к поиску способов построения более надежной парламентской коалиции для поддержки своих инициатив. Сначала в этом качестве пытались использовать так называемый координационный совет, куда вошли лидеры «Единства», ОВР, «Народного депутата» и «Регионов России». Однако создание совета проблемы не решило, и главы фракций по-прежнему исходили из того, что, если в координационном совете не удалось сформировать общей позиции, их фракции могут голосовать как угодно³⁰. И тогда в Кремле «было принято решение надавить на Юрия Лужкова и убедить его объединить [ОВР] с „Единством“, чтобы ускорить принятие Трудового кодекса»³¹.

³⁰ *Садчиков [Sadchikov] 2001a.*

³¹ *Gliniski-Vassiliev 2001: 4.*

То, что одной из причин слияния было желание избежать в будущем тех сложностей, с которыми оказалось сопряжено проведение через Думу социального законодательства, признавали впоследствии и лидеры новой партии. Так, Сергей Шойгу сожалел, что объединения

³² *Виноградов [Vinogradov] 2001.*

не произошло в 1999 г., так как «это сняло бы с повестки дня проблемы с законодательством о земле, пенсионной реформой и Трудовым кодексом»³². Таким образом, есть основания считать, что трудности, с которыми столкнулось правительство при проведении этих реформ, и подтолкнули Кремль к промежуточной реорганизации партийного ландшафта.

На то, что до возникновения проблем с трудовой реформой Кремль не планировал перетряхивать партийную систему, указывает ряд обстоятельств. Принудительное встраивание ОВР в новую партию власти заведомо требовало немалых сил. В создании ОВР участвовал ряд региональных и федеральных тяжеловесов, которые вложили в него изрядные ресурсы и не были готовы поступиться ими просто так. Захват ОВР был рискованным предприятием. Поэтому власть склонялась в пользу более постепенного решения, состоявшего в том, чтобы, не вмешиваясь в деятельность партий напрямую, реформировать электоральное и партийное законодательство (подготовка соответствующей реформы была поручена Александру Вешнякову летом 2000 г.) в расчете на естественную реорганизацию партийной системы к следующему электоральному циклу.

В ходе трудовой реформы это системное решение заменили ручным созданием прокремлевской партии, что, в свою очередь, породило ряд отложенных эффектов. В частности, в ходе объединения пришлось избавиться от многих представленных в ОВР нотаблей, способных приносить голоса, с тем чтобы связать новой партии руки и обеспечить ее покорность в проведении дальнейших реформ. Так называемые «профессиональные патриоты» уступили место «патриотичным профессионалам», но когда это произошло, шансов на то, что новообразованная партия сможет своими силами победить на выборах, стало меньше, и, чтобы гарантировать такую победу, потребовались специальные меры. Это подготовило почву для печально известного сфабрикованного большинства в Думе четвертого созыва³³ и сделало лучшими подпорками режима региональные политические машины.

³³ *Голосов [Golosov] 2005.*

Курс на накачивание поддержки прокремлевской партии через политические машины серьезно отразился на положении тех политических тяжеловесов, которые все-таки остались в политике. В 2001 г. далеко не все из них были убеждены в целесообразности вступления в новую партию, предпочитая развивать собственные политические проекты. К их числу относился, в частности, глава лояльной Кремлю, но более консервативной фракции «Народный депутат» Геннадий Райков, создавший собственную Народную партию. На выборах 2003 г. эта партия провалилась, набрав по партийным спискам лишь 1% голосов, и хотя Райков сразу же перевел все свои 17 одномандатных мест в «Единую Россию», его политическая карьера пошла на спад. Для сколь угодно независимой политики в стране места не осталось, и партийный ландшафт был зачищен.

Ход трудовой реформы повлиял также на будущую роль КПРФ. Заключенная в 2000 г. сделка с «Единством» обеспечила коммунистам контроль над комитетом по социальным вопросам, который возглавил Валерий Сайкин, входивший одновременно в «группу восьми». Не исключено, что именно позиция Сайкина, пытавшегося заблокировать правительственную инициативу на уровне профильного комитета, и подтолкнула правительство к тому, чтобы перенаправить свои усилия с казавшейся очевидной на тот момент связки «Единство»—КПРФ на более проблематичный союз с депутатами от ОВР, для которых издержки такого союза были заведомо выше, учитывая их прямые связи с профсоюзами.

Коммунисты, бесспорно, бесспорно, просчитались, переоценив собственное влияние и недооценив решимость Кремля довести трудовую реформу до конца. И когда правительство сумело раз и навсегда консолидировать свою поддержку в Думе, по коммунистам был нанесен тяжелейший удар. Пакт 2000 г. был пересмотрен, и КПРФ лишили контроля над комитетами. Отстраненным от содержательной деятельности коммунистам осталось только обихаживать свой ядерный электорат, подвергая обструкции любые предложения правительства.

Таким образом, трудовая реформа породила целый ряд непредвиденных последствий, имевших большое значение для общеполитического развития страны. Ситуация открытой политической дискуссии, в которой она проводилась, потребовала от реформаторов особых усилий. В свою очередь, эти усилия привели к изменению политических условий, в которых работали реформаторы, сделав их более комфортными. Однако такое изменение условий заставило власть пересмотреть свое отношение к реформам: аппетит к ним пропал, и к уже концу своего первого президентского срока Путин перестал называть их в числе своих приоритетов³⁴. Другими словами, произошло нечто обратное тому, что предполагается концепцией авторитарной модернизации: не авторитаризм способствовал реформам, а реформы — авторитаризму, который в них больше не нуждался.

³⁴ Remington 2006: 15—16.

Библиография

Бабаева С. 1998а. Новый Трудовой кодекс будет старым // *Известия*. 28.07 [Babaeva S. 1998a. Novyj Trudovojj kodeks budet starym // *Izvestija*. 28.07].

Бабаева С. 1998б. Повышение пенсий откладывается // *Известия*. 20.06 [Babaeva S. 1998b. Povyshenie pensij otkladyvaetsja // *Izvestija*. 20.06].

Богуславская О. 2001. Зачем деревне новозеландский КЗоТ? // *Сельская жизнь*. 20.02 [Boguslavskaja O. 2001. Zachem derevne novoze-landskij KZoT? // *Sel'skaja zhizn'*. 20.02].

Виноградов М. 2001. Медведь и бочонок меда // *Известия*. 12.07 [Vinogradov M. 2001. Medved' i bochonok meda // *Izvestija*. 12.07] (<http://izvestia.ru/news/249091>).

Война перешла в торговлю. 2000 // *Известия*. 12.12 [Vojna pereshla v trgovlju. 2000 // Izvestija. 12.12].

Герасимов И. 2011. *Двадцать лет «Народной правде»* [Gerashimov I. 2011. Dvadcat' let «Narodnoj pravde»] (http://rpw.ru/np/20_let/03_G.html).

Голосов Г. 2005. Сфабрикованное большинство: конверсия голосов в места на думских выборах 2003 г. // *Полис*. № 1 [Golosov G. 2005. Sfabrikovannoe bol'shinstvo: konversija golosov v mesta na dumskikh vyborah 2003 g. // Polis. № 1].

Грибачев В. 1999. Был КЗоТ, будет Трудовой кодекс // *Парламентская газета*. 20.07 [Gribachev V. 1999. Byl KZoT, budet Trudovoj kodeks // Paramentskaja gazeta. 20.07].

Закатнова А. 2000. Промежуточная победа профсоюзов // *Независимая газета*. 27.12 [Zakatnova A. 2000. Promezhutochnaja pobeda profsojuzov // Nezavisimaja gazeta. 27.12].

Кадик Л. 2001. Последний взнос // *Коммерсантъ-Власть*. 11.12 [Kadik L. 2001. Poslednij vzos // Kommersant-Vlast'. 11.12].

Новикова Ю. 2000. Вечный КЗоТ // *Коммерсантъ*. 14.11 [Novikova Ju. 2000. Vechnyj KzoT // Kommersant. 14.11].

Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 2001 [Poslanie Federal'nomu Sobraniju Rossijskoj Federacii. 2001] (<http://www.kremlin.ru/video/1813>).

Резник И. 2000. Нельзя ставить телегу впереди лошади // *Коммерсантъ*. 14.11 [Reznik I. 2000. Nel'zja stavit' telegu vperedi loshadi // Kommersant. 14.11].

Садчиков А. 2001а. Вячеслав Володин: Мы не будем всех стричь под одну гребенку // *Известия*. 24.04 [Sadchikov A. 2001a. Vjacheslav Volodin: My ne budem vsekh strich' pod odnu grebenku // Izvestija. 24.04].

Садчиков А. 2001б. Из центра виднее // *Известия*. 14.02 [Sadchikov A. 2001b. Iz centra vidnee // Izvestija. 14.02].

Садчиков А. 2001в. Символическое противостояние // *Известия*. 18.01 [Sadchikov A. 2001v. Simvolicheskoe protivostojanie // Izvestija. 18.01].

Сазонов Ю. 2000. На рассмотрение депутатов // *Парламентская газета*. 17.10 [Sazonov Ju. 2000. Na rassmotrenie deputatov // Paramentskaja gazeta. 17.10].

Травин Д. 2002. Михаил Дмитриев: Договоримся, профсоюзы? // *Дело*. 28.10 [Travin D. 2002. Mikhail Dmitriev: Dogovorimsja, profsojuzy? // Delo. 28.10].

Хайруллин М. 2000. В Думе грядет новая война кодексов — на этот раз трудовых // *Новые известия*. 20.05 [Khajjruillin M. 2000. V Dume gjadet novaja vojna kodeksov — na ehtot raz trudovykh // Novye izvestija. 20.05].

Яковлева Е. 2000. Поза страуса // *Известия*. 21.12 [Jakovleva E. 2000. Poza strausa // Izvestija. 21.12].

Ashwin S., Clarke S. 2003. *Russian Trade Unions and Industrial Relations in Transition*. — Basingstoke.

- Gel'man V.** 2003. Russia's Elites in Search of Consensus: What Kind of Consolidation? // Gel'man V., Steen A. (eds.) *Elites and Democratic Development in Russia*. — Routledge.
- Gel'man V.** 2005. Political Opposition in Russia: A Dying Species? // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 21. № 3.
- Glinski-Vassiliev D.** 2001. The Politics of Labor Code Reform in Putin's Russia // *PONARS Policy Memo*. № 197.
- Goloso G.** 2011. The Regional Roots of Electoral Authoritarianism in Russia // *Europe-Asia Studies*. Vol. 63. № 4.
- Goloso G.** 2013. Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. Vol. 21. № 4.
- Grigoriev I., Dekalchuk A.A.** 2014. *School of Autocracy: Pensions and Labour Reforms of the First Putin Administration* (unpublished manuscript).
- Hanson Ph., Teague E.** 2013. *Liberal Insiders and Economic Reform in Russia*. — Chatham House.
- Levitsky S., Way L.** 2006. Linkage versus Leverage: Rethinking the International Dimension of Regime Change // *Comparative Politics*. Vol. 38. № 4.
- Levitsky S., Way L.** 2010. *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War*. — N.Y.
- Lipman M.** 2005. Constrained or Irrelevant: The Media in Putin's Russia // *Current History*. October.
- Lipman M., McFaul M.** 2005. Putin and the Media // Herspring D.R. (ed.) *Putin's Russia: Past Imperfect, Future Uncertain*. — Lanham (MD).
- Remington Th.F.** 2006. Presidential Support in the Russian State Duma // *Legislative Studies Quarterly*. Vol. 31. № 1.
- Way L.** 2005. Authoritarian State Building and the Sources of Regime Competitiveness in the Fourth Wave: The Cases of Belarus, Moldova, Russia, and Ukraine // *World Politics*. Vol. 57. № 2.